

ТЕ, КТО ВЫЙДЕТ ОТСЮДА, НАВЕКИ РОДНЫЕ...

(Из блокнота журналиста)

(Продолжение.)

Начало в номере от 17 мая т.г.)

Екатерина КУЗНЕЦОВА,
почетный журналист
Республики Казахстан

В заголовке - строка из стихотворения, написанного в Карлаге одной из его узниц, Калерией Александровной Шумакоевой, осужденной по ст. 58 УК РСФСР как «враг народа» и реабилитированной в годы перестройки.

Калерия Александровна не ошиблась – в 80-90-е годы Долинка была едва ли не самым посещаемым местом на карте Карагандинской области. Небольшое село в Центральном Казахстане стало центром притяжения людей из очень многих стран. И странно: побывав здесь с очень разными людьми – журналистами, кинодокументалистами, бывшими узниками лагеря, их детьми, мы – я и они, приезжавшие, становились ближе друг к другу, со многими сохранилась связь, а с некоторыми завязалась дружба на долгие годы...

В конце 80-х одной из первых сюда приехала съемочная группа ЦТ – телекомпании «Взгляд». Тогда это был еще листовский «Взгляд», который смотрела, не отрываясь, вся огромная страна. В то лето 1989 года съемочная группа обнаружила для себя Долинку. Люди старшего и среднего поколения помнят, как корреспонденту ТВ давал интервью один из бывших работников Карлага. И на вопрос: «Что из себя

представлял лагерь?» он, пожал плечами, спокойно ответил: «Это было обычное советское учреждение».

Ах как все мы, вырвавшиеся из чуть приоткрывшегося кокона тотальной лжи, были наивны и чисто-сердечны в то время! Двадцать лет назад слова об «обычном советском учреждении» всех нас буквально перевернули, нам тогда они показались до невероятности циничными. А теперь, пройдя долгий путь открытия прошлого без ретуши, понимаю: да, это действительно было самое обычное советское учреждение, и никакого цинизма не было в словах бывшего работника спецотдела Карлага. Сказал он нам правду. Обычное было это советское учреждение...

Концлагеря в Советском Союзе действительно были обычными советскими учреждениями и не более – страна жила по лагерной морали, по лагерному расписанию, лагеря были не только в Воркуте, Долинке, Магадане и далее везде - огромным концлагерем была вся великая страна. Были в ней «кумы», «вертухаи» и рабы – такова была социальная палитра «бесклассового общества». Причем ряды последних с щедростью пополнялись и за счет первых двух – никто не был уверен в завтрашнем дне. Все ждали стука в дверь, и у порога стояли чехомоднички с первым необходимым. Об этом сегодня писано-переписано...

Так вот, Долинка. Только-только начинается осень 1989 года. Мы с группой взглядовцев идем по широкой, затененной густой зеленью садов долинской улице. Уже почти окраина. Дальше – степь, а через

пару километров начинается бывшее ЦПО – Центральное полеводческое отделение Карлага, так называемые огороды.

У самого въезда (а ездить-то в те давние лагерные времена было особенно не на чем, и ходили все – и зеки и надзор - преимущественно пешком) в ЦПО (позже – совхоз «Карагандинский»), еще оставались саманные бараки «мамочкиного домика» (роддома лагерного), лагерных яслей. Справа, ближе к водоразделу, на косогоре (теперь уже косогора в помине нет, речушка подмыла берега, изменив ландшафт) еще заметно бугрилось и выделялось островками густой травы и редкими, кое-как сваренными из «уголков» и кусков бросового металла покосившимися крестами, на которых еще можно было прочесть имена и даты, детское лагерное кладбище, так называемое «мамочкино кладбище». Здесь хоронили детей, родившихся в «мамочкином домике» и не доживших до двухлетнего возраста...

Мы списываем в блокноты фамилии, даты рождения и смерти. И слышим чей-то голос, не очень-то переполненный доброжелательностью: «Кто такие?». Перед нами как из-под земли вырастает маленькая фигурка. Несмотря на теплое время года, фигурка в обычном черном, вертухаевском ватнике и шапочке, надвинутой на глаза. Рядом с фигуркой другая, побольше, пошире в плечах, легко угадываемая военная статья – местные старожилы, думается, вчерашняя «вохра».

Да нет, оказывается, не «вохра» - бывший инспектор спецотдела Спасского лагеря М. с сыном. Оба насторожены - чужаки привычно кажутся опасностью.

Потом еще были Стивен Хэндел-

мен, заведующий Московским бюро «The Toronto Star», Хэлла Роттенберг, корреспондент «de Volkskrant» из Голландии, Селина Кузак из «Institute of Developing countries University of Warsaw» из Польши, Стив Дуглас, фотокорреспондент «Daily Mail» и московский продюсер канала «INT.Channel 4 News» Эндрю Бреддл...

О двух последних хочется рассказать отдельно. Связавшись до своего приезда со мной по телефону, Стив и Эндрю узнали от меня, что некто Джозеф Глазер, бывший узник Карлага, а позже – Степлага, Спасского отделения, долгое время после освобождения живший в Караганде и к моменту, о котором я веду речь, перебравшийся в подмосковный Подольск, был привезен отцом-коммунистом в СССР в юном возрасте вместе с братьями из... Южной Африки. По достижении правоответственного возраста Джозеф, само собой, был арестован НКВД как иностранный шпион и отправлен за лагерную «колочку».

Англичанам мой рассказ казался интересным, отыскали они Джозефа в Подольске, привезли в Караганду и здесь в холодную осень 1990-го снимали фильм. Джозеф, отбыв в лагере десятилетний срок, так и не научился толком говорить по-русски, но сохранил великолепный английский. Мы катали его по ухабам бывшего Карлага, и в предвечерних сумерках на бесконечном лагерном кладбище в Спасске под мелким октябрьским дождем встал он на колени прямо в осеннюю грязь и, воздев руки к мглистому низкому неприветливому небу, вдруг дико, не по-человечески взвыл, полностью

выбыв из реальности, опрокинувшись в прожитое и пережитое... «Снимай, снимай скорее», - возбужденно зашептал Стив, но Эндрю плакал... Да, чего только и кого только не видела за эти годы степная Долинка! Я помню маленького, живого, быстрогоглазого председателя Верховного Совета Каракалпакской АССР, который попросил меня сопровождать его в Долинку, где отбывал срок заключения и умер его отец. Отца арестовали, когда мальчику было всего семь лет, и в памяти сохранился только эпизод – отца уводят, рыдает мать, а он, мальчишка, бросается к отцу и натывается на два скрещенных на его пути солдатских ружья... Мы с каракалпаком едем на старое лагерное кладбище за бывшим лагерным маслозаводом, которое тянется на десятки километров в сторону Шахтинска. Степная трава сохранила только кустистые метки на общем поле – где гуще, там могила. И длинные валы, еще и сегодня заметные, – общие могилы, которые скрывают останки расстрелянных. По свидетельству бывшего следователя оперчеккистского отдела Карлага Попова, именно здесь, на этом кладбище за водоразделом, и производились расстрелы по приговору лагерного суда.

Нас в той поездке сопровождал бывший начальник паспортного стола Карлага. Человек уже очень молодой и немногословный. Он привез нас на край этого кладбища и встал в сторонке, молча наблюдая, как тоже молодой маленький человек в чесучовом пиджачке и соломенной шляпе собирает камни с безымянных могил, чтобы увезти

на родину в память о загубленном и зарытом где-то здесь отце... Время отодвинуло в прошлое те встречи. Но Память жива. И для нее нет прошлого.

Самым первым из детей заключенных женщин, приговоренных по статье 58 УК РСФСР и отбывших срок в Карлаге, задержанных после освобождения «до особого распоряжения», был приехавший в Долинку в середине 80-х Григорий Острин, артист Московского театра «Современник». Он рассказывал мне, как учился в Долинской школе, жил в интернате, вспоминал о своих соучениках, таких же московских, киевских, харьковских, ленинградских мальчишках и девчонках, получивших разрешение приехать к матерям после десяти лет разлуки и дожидаться с ними окончательного, их, матерей своих, освобождения.

С Григорием Остриным та наша встреча связала меня дружбой на долгие годы. Был он и в составе делегатов-москвичей – детей бывших узников Карлага, приговоренных по ст. 58 УК РСФСР, и на открытии мемориала в АЛЖИРЕ – бывшем лагере «жен изменников родины», слушал, как и все москвичи, со слезами благодарности на глазах незабываемое выступление Н.А. Назарбаева, в котором Президент Республики Казахстан раз и навсегда определил бескомпромиссную и четкую, принципиальную позицию независимого Казахстана в отношении к сталинскому террору.

Был Острин и в Караганде совсем недавно с делегацией сверстников – детей тех, кто отбывал срок как «враг народа» за колочей проволочкой Карлага НКВД. Поездка та в Казахстан была организована Московской мэрией. Принимал делегацию университет «Болашак» - долгие часы воспоминаний, бесед, горячие слова благодарности за Память запомнятся участниками той встречи, думаю, навсегда...

(Продолжение следует)